

о) Гальберштадт; р) Передняя Померания; q) Нижняя Померания; г) Верден; s) Мекленбург-Шверин; t) Мекленбург-Гютров; u) Вюртемберг; v) Гессен-Кассель; w) Гессен-Дармштадт; x) Баден-Дурлах; y) Баден-Гохберг; z) Гольштейн-Глюкштадт; aa) Саксония-Лауэнбург; bb) Минден; cc) Ангальт; dd) Геннеберг; ee) Шверин; ff) Камин; gg) Ратценбург; hh) Гиршфельд; ii) Мёмпельгард; kk) Нассау-Гадамар и Зигел; ll) Нассау-Дилленбург и Дитц; mm) Восточная Фрисландия; pp) Шварцбург; oo) Ветераусские графы; rr) Франкские графы; qq) Вестфальские графы.

Имперское городское

Рейнская скамья	Скамья Верхних земель
1) Шпейер; 2) Франкфурт	1) Нордлинген; 2) Ротенбург

Из перечисленных выше имперских городов (51) 32 также евангелические, которые собственно принадлежат евангелическому корпусу; скрепление писем и документов производится четырьмя евангелическими имперскими чинами в обычном порядке. Равно как и объединенные евангелические имперские чины наделяются полномочиями на евангелистских конференциях.

Католический корпус

Все католические имперские чины принадлежат католическому корпусу. Только курфюрст Саксонии остается в евангелическом корпусе. Герцог Вюртембергский и ландграф Гессен-Кассельский сами лично являются католиками, но дома их остаются евангелическими.

Их Императорское Величество также католик, но он не принадлежит католическому корпусу, поскольку является наивысшим главой империи, а не имперским чином.

Arenberg J. E. Les princes du St-Empire a l'époque napoléonienne. Louvain, 1951.

Carlyle T. The History of Friderick the Great. London, 1995.

Verzeichnis der höchsten und hohen Ständen des Heiligen Römischen Deutschen Reichs // Neues genealogisches Reichs- und Staats- Handbuch auf das Jahr MDCCLXXIV. Frankfurt a/M, 1774. S. 341–345.

Zoepfl H. Grundsätze des gemeinen deutschen Staatsrechts. Regensburg, 1975.

Васильев В. И. Германский федерализм: история и современность // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 27–49.

История Европы. Т. 3. М., 1993.

Леонтьевский А. С. Хрестоматия по истории Германии XIV в. Ростов н/Д, 2000.

Шиндлинг А. Циглер В. Кайзеры. Ростов н/Д, 1997.

СТАРОВЕРЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ДОНУ И ССЫЛКА ЕГО УЧАСТНИКОВ В СИБИРЬ В КОНЦЕ XVII В. (Предисловие-комментарии А. Т. Шашкова)

После подавления Разинского восстания на Дону, где, как и в прежние времена, находили убежище все недовольные московскими порядками, началось широкое распространение учения в защиту старой веры [см. об этом: ДАИ, 1872; Дружинин,

1889]. Уже в начале 70-х гг. XVII в. на реке Чир (в 50 верстах от ее впадения в Дон) основал свою пустынь знаменитый иеромонах Иов Льговский (в миру Иван Тимофеев сын Лихачев) [см.: Поздеева, 1990]. Около 1678 г. на реке Цимле появилась еще одна старообрядческая пустынь, которую завел иеромонах Пафнутий. В 1683 г. на Донце близ Айдарской станицы появилась пустынь бывшего иеромонаха Рыльского Никольского монастыря Феодосия [см.: Летописи, 1862; Смирнов, 1898]. Наконец, в 1685 г. переселился в Чирскую пустынь на Дон один из виднейших деятелей раннего старообрядчества игумен Досифей [см. об этом: Смирнов, 1898].

Одновременно «с Москвы и из иных разных городов стрельцы и казаки и всяких чинов люди, забыв страх Божий и крестное целование», бежали «на Хопер и Медведицу, в казачьи вольные городки» [Никольский, 1983, 178]. Основателем одного из таких поселений был елецкий кузнец Кузьма Ларионов по прозвищу Косой. Родной его брат был сожжен в Москве за приверженность расколу. Сам Кузьма «расколу научился, будучи в Соловецком монастыре». В 1677 г. городок на Медведице, где он жил со своей семьей и единомышленниками, был разгромлен по приказу тамбовского воеводы П. А. Лопухина: посланная сюда воинская команда «попленила женску полу и девок с двадцать человек», но самому Кузьме Косому и другим мужчинам удалось скрыться [ДАИ, 1872, 127; Шашков, 1993а].

Около 1679 г. Кузьма появился в Москве, где у него, видимо, сохранились связи среди соловецкой староверческой колонии, и начал проповедовать свое учение о близком конце света, изложенное на «великих листах». Эсхатологические построения Косого были основаны на традиционном толковании «звериного» числа 666, на 12-й главе пророчества Даниила и на «Откровении» Мефодия Патарского о приходе царя Михаила, под которым он подразумевал Второе пришествие Христа. Это учение показалось московским старообрядцам слишком опасным, и прежде всего потому, что «косой богослов» претендовал на то, что он «последний день и час знает», вследствие чего они «предали раздранию суетумудренное его писание и огнем все сожгли без остатку», а из Москвы на Дон строителю старообрядческой Чирской пустыни Макарию, незадолго перед этим сменившему умершего Иова Льговского, отправили предостерегающее послание о Кузьме и его «листах», подписанное чернецами Ионой и Никифором [см. об этом: ДАИ, 1872, 133–134; Шашков, 1998].

В свою бытность в Москве Кузьма Косой попытался забрать у думного дворянина Петра Аврамова принадлежавшую ему деву-татарку, но тот выдал его патриарху Иоакиму, который после безуспешных увещаний сослал Кузьму в монастырь Николы Чудотворца на Перерву. Оттуда ему удалось бежать, после чего он вновь вернулся на Медведицу.

Имя Кузьмы Косого в очередной раз всплыло после подавления стрелецкого восстания 1682 г. в Москве, когда на Дон хлынул новый поток беглых раскольников. Летом 1683 г. в Чирской пустыни, а затем в Черкасске и других донских городках и станицах неизвестные люди стали зачитывать подложную грамоту царя Ивана Алексеевича с просьбой к казакам о защите от боярских притеснений и «письмо на круглом листу», посвященное объяснению московских событий 1682 г. Схваченные казаками распространители «воровских писем» называли «подлинных воров», которые эти письма им «дали и обманули», – все того же неугомонного Кузьму Косого и беглого московского стрельца Константина Леонтьева, живших при впадении речки Арчады в Медведицу. Обоих арестовали, но беглый стрелец взял всю вину на себя и «оправил» Кузьму, которого казаки отпустили. Уже в Москве на допросах выяснилось, что письма Константину Леонтьеву дал тяглец Басманной слободы

Василий Симонов с товарищем своим Саввою Яковлевым Грешным (последний, задержанный в Нижнем Новгороде, признался под пыткой, что подложную грамоту писал он). Всех троих казнили [см.: ДАИ, 1867, 430–433; Лишин, 1891, 116–119; Шашков, 1993а].

Тем временем староверческое движение на берегах «молодца Дона Ивановича» неуклонно ширилось. Главной питательной средой для него становились беглые, число которых к 1686 г. составляло несколько тысяч человек. Только на Медведице стояло 17 укрепленных городков, в каждом из которых было от 12 до 20 куреней. Сходная картина наблюдалась на Хопре и в других местах. Грозные царские указы «воров и раскольников... перимать и разогнать и пристанища и крепости их разорить и пожечь... и заводчиков... перековав, прислать к Москве» не выполнялись, ибо даже часть казацкой старшины решительно выступила в защиту старой веры. Сумев в 1686 г. провести на казачьем кругу в Черкасске назначение войскового атамана Фрола Минаева руководителем Зимовейской станицы, направлявшейся в Москву, эти люди избрали на его место черкасского атамана Самойлу Лаврентьева, который был известен тем, что оказывал покровительство «преподобным отцам» Досифею, Феодосию, Пафнутию и другим лидерам донского старообрядчества и поддерживал связи с городками беглых на Хопре и Медведице [см.: ДАИ, 1872, 125–127, 138; Дружинин, 1889].

Вслед за сменой власти на Дону на короткий срок произошло возвращение к дониконовским церковным обрядам: весной 1687 г. настоятелем собора в Черкасске стал старообрядческий священник Самойла Манычский, а сама «старая вера» была признана казаками официальным исповеданием Дона. Поминания патриарха и царей на церковных службах были отменены. Приговор казачьего круга определил: «...сверх старых книг ничего не убавлять и не прибавлять, и новых книг не держать», а того, кто с этим не согласен, «побивать до смерти» [ДАИ, 1872, 17].

Вернувшиеся из Москвы Фрол Минаев и его сторонники были не в силах изменить сложившуюся ситуацию. К тому же круг вскоре постановил послать Минаева во главе верного ему казачьего отряда в Крымский поход, избавившись на время от тех, кто был настроен промосковски.

Формально казаки-старообрядцы готовы были «великим государям Петру и Ивану служить по-прежнему, и чтобы впредь на Дону было смирно». На деле же все было не так просто. Как признавался позднее на допросах лишенный священнического сана Самойла Манычский, главные «в воровстве и в расколе заводчики» атаманы Самойла Лаврентьев, Кирилл Матвеев Чюрносов и Пахом Сергеев, «а с ними старцы Досифей, да Пафнутий, да Феодосей», еще в середине 80-х гг. XVII в. толковали текст Библии, изданной в Москве в 1663 году, «и такие слова, что в Библии писаны, он, рослоп, говорил и толковал с ними, а церковь-де костелом, а патриарха антихристом называли...». Рассматривая при этом двуглавого орла, изображенного на фронтисписе Библии, они называли орлом покойного царя Алексея Михайловича, а орлятами – нынешних царей Ивана и Петра, и толковали о их скорой гибели [см.: ДАИ, 1872, 187–188].

Произошедшая на Дону старообрядческая контрреформация вдохновила на активные действия уже знакомого нам лидера медведицких раскольников Кузьму Косого. Летом 1687 г. он и его единомышленники объявили о сборе казаков для вооруженного похода на Москву, отпавшую «во антихристово царство». Приезжавшим «из ближних станиц проводить, какой у них на речке Медведице чинится сбор», было вручено обращение, написанное воронежцем Кузьмой Сидоровым, жившим со своими сторонниками в 50 верстах от укрепленного городка Кузьмы

Косого. В нем, в частности, говорилось о том, что Второе пришествие Христа наступит в ближайшее пятилетие и ознаменуется расплатой с нечестивым миром [Дружинин, 1889, 271–273; Шашков, 1993б]. Сам Кузьма Косой и его товарищи также утверждали, что до конца света осталось только пять лет, что у них в горах на Медведице находится «царь Михаил» и что они не боятся «царей и войска и всей вселенной».

Обеспокоенная старшина послала к Кузьме Косому казаков с требованием приехать в Черкасск и объяснить причины подготавливаемого им похода. В конце августа 1687 г. Косой в сопровождении 600 вооруженных сторонников появился под Черкасском. Во дворе у Самойлы Лаврентьева он изложил старшине свое учение и призвал идти на Москву, но особой поддержки не встретил. Начались переговоры; между умеренно настроенными черкасскими казаками и людьми Косого стали вспыхивать ссоры, переходившие в вооруженные стычки. В это время из Крымского похода внезапно вернулось войско во главе с атаманом Фролом Минаевым. Кузьма Косой был схвачен, закован в цепи и отослан в Москву. Самойла Лаврентьев, Кирилл Чюрносков, Павел Чекунов и другие казаки-старообрядцы попрятались. Разбежались и сторонники Косого. При этом часть из них схватили, а оказавших сопротивление перебили [см.: Никольский, 1983; Зеньковский, 1995].

Вернувшийся к исполнению должности войскового атамана Фрол Минаев прежде всего велел произвести по всему Дону вторую после подавления восстания Степана Разина присягу на верность Москве. В церквах восстановили службу по новым книгам с поминовением царей и патриарха. Доставленный в Москву Кузьма Косой был подвергнут пыткам на дыбе и жжен огнем. 16 сентября 1687 г. его допрашивал сам князь В. В. Голицын. Не выдержав мучений, Косой вскоре после 30 сентября скончался [Дружинин, 1889; Клибанов, 1977].

Между тем московское правительство выставило донским казакам неслыханное требование: выдать на расправу атамана Самойлу Лаврентьева и других представителей старшины из числа его единомышленников, а вместе с ними староверческих священников. За это казакам цинично была обещана новая прибавка к жалованью. И наоборот, все, кто продолжал придерживаться раскола, жалованья лишались. Это вызвало негодование многих станичников. Требование Москвы было на казачьем кругу в Черкасске решительно отвергнуто: «для того, что наперед до сего никогда братию не выдавали».

Старообрядческую оппозицию, вновь одержавшую верх, возглавил атаман Кирилл Чюрносков, который стал готовить на весну 1688 г. поход на Волгу, а сам для отвода глаз возглавил Зимовейскую станицу и уехал в Москву. Вскоре он был здесь арестован по доносу промосковски настроенных казаков, сообщивших с Дона о готовящемся «на Низу и Украине воровстве, как при Стеньке Разине» [Никольский, 1983, 184–185]. После этого московское правительство вновь потребовало выдачи Лаврентьева, восьми казаков и пяти священников. И круг сдался... Атаманы стали в третий раз приводить казаков к присяге Москве и восстанавливать церковную службу по новым обрядам. Около полусотни упорствовавших были казнены. Спасаясь от репрессий, игумен Досифей и его единомышленники ушли на реку Куму. Одновременно начались военные действия сторонников Фрола Минаева против старообрядческого населения городков на Хопре и Медведице. Дольше всех держался, отбивая натиск отрядов атаманов Кутейникова и Аверкиева, медведицкий городок Кузьмы Сидорова. Пал он только 30 мая 1689 г. [см.: Шашков, 1993б].

А в Москве тем временем полным ходом шел розыск. Доставленные с Дона зимой 1688 г. в Посольский приказ главные «заводчики» мятежа и раскола, а также

привлеченные в качестве свидетелей казаки Зимовейской станицы давали показания. По результатам следствия Самойла Лаврентьев, Кирилл Чюрносков, Павел Чекунов, Леонтий Белогородец и два бывших попа, Самойла Манычский и Прокофий, были приговорены к смерти и 10 мая 1688 г. казнены. Через две недели в отношении еще семи человек по царскому указу было велено, «учиня наказанье, а иным казнь по их винам, сослать в дальние сибирские города». Так, Пахом Сергеев и Федор Боярченко после наказания кнутом ссылались: первый – на Лену, в Якутский острог, второй – в Томск. Петру Смиренному Рыковскому, также битому кнутом, предстояло жить в Красноярске. Атаману Айдарской станицы Якиму Филимонову Кузовченку был «язык отрезан, и бит кнутом, сослан в Мангазею». Ивану Сапожнику тоже отрезали язык и сослали в Тобольск, «и велено ему быть у Сибирского и Тобольского митрополита под его началом». В один из сибирских городов направлялся атаман Назар Захарьев. Наконец, есаул Иван Рабынин был «без наказания сослан в Енисейской для того, что он во всем винулся» [ДАИ, 1872, 210–213]. Уже 6 августа 1688 г. всех этих колодников доставили в Тобольск.

Согласно помете, сделанной 31 мая 1688 г. в деле о ссылавшихся в Сибирь донских казаках-старообрядцах, конфискованные у них «животы» и деньги предписывалось отослать за ними вслед [см.: ДАИ, 1872, 214]. Произошло это с изрядной задержкой. Так, Федор Боярченко получил свои «семь рублей» в Томске только 30 июня 1689 г. [Исторические акты, 1890, 63]. Более оперативно доставили на Лену шубу Пахома Сергеева вместе с грамотой, в которой было «велено его в Якуцком держать в великом бережении и давать ему кормец, чем мочно пропитаться» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1396, л. 394 об.]. Что потом стало с этой шубой – неизвестно, ибо сам Пахом Сергеев до Якутска так и не доехал: в Илимске воевода Е. Пятово оставил его «за болезнью. И жил-де он в Ылимску года з два, а ни в какой чин не поверстан». В 1690 г. «ехал в Якуцкой на воеводство столник князь Иван княж Михайлов сын Гагарин и зимовал Якуцкого уезду в Чечюйском остроге. И он-де, Пахомко, из Ылимского ездил в Чечюйской острог и бил челом, ему, князь Ивану, чтоб он отпустил ево к Москве за якуцкою казною». Несмотря на то, что «ево, Пахомка», предписывалось «ни для каких дел никуда не посылать и по ево челобитью не отпускать», Гагарин, отличавшийся патологической жадностью, распорядился (очевидно, за «посул») включить ссыльного атамана в состав отряда якутских служилых людей, возглавляемых сыном боярским Александром Хлевинским, которые везли ясак в Москву. Через год, 15 декабря 1691 г., в Сибирский приказ поступил донос о том, что на постоялом дворе вместе с якутскими казаками находится незаконно приехавший в столицу ссыльный Пахомка Сергеев. Его незамедлительно арестовали и поместили в приказе «в крепь». Было проведено расследование, после чего 4 января 1692 г. появился царский указ: «донского казака Пахомку Сергеева, который поиман на Москве... сослать в Сибирь на вечное житие в тот же город, в который он послан был наперед сего». Возвращавшимся в Якутск А. Хлевинскому с товарищами 1 февраля было велено забрать Сергеева с собой и «смотреть накрепко, чтоб он, Пахомко, з дороги не ушел и над собою какова дурна не учинил», и 3 марта, получив колодника «с роспискою», якутяне отправились в путь. А уже 19 марта в Сибирском приказе стало известно о его побеге.

Как показывали позднее в своей объяснительной челобитной А. Хлевинский и его казаки, «того-де колодника Пахомка везли они скована Ярославского уезда до Вокшерского яму. И на том-де яму, на постоялом дворе у Игнашки Тимофеева, ночью порою перевязывали они казенные возы... И в то-де время он, Пахомко, на том постоялом дворе был скован в ызбе. И ис той избы он, Пахомко, бежал окном,

скован, неведомо куды. А по осмотру у той избы явился след санный – приезд знатной, неведомо кто по нему приезжал». Поиски беглеца успехом, судя по всему, так и не увенчались.

Обстоятельства этой истории подробно изложены в одной из книг Сибирского приказа, в которой, согласно ее заголовку, содержатся «Списки з дел, каковы присланы с Москвы из Сибирского приказа в дорогу на Верхотурье к думному дьяку к Данилу Леонтьевичу Полянскому и к дьяку Данилу Берестову Сибирского приказу с подиачем с Василем Никитиным в прошлом в 204-м году, августа в 13 день. А списаны те списки по указу великого государя и по грамоте в нынешнем в 207-м году в Енисейску» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1225, л. 1]. Материалы, относящиеся к ссылке в Якутск Пахома Сергеева, его приезду в Москву, новой ссылке и последующему побегу, имеют в книге подзаголовок «Список с первого столпика» (л. 2–18 об.). «Список со второго столпа» (л. 19–358) и копии других документов (л. 359–870) посвящены якутскому сыску 1690–1695 гг. о злоупотреблениях местных воевод П. П. Зиновьева и князя И. М. Гагарина, который проводил тобольский дворянин Ф. Р. Качанов. Въедливость и неподкупность сыщика привели к тому, что он на три года и семь месяцев оказался со своими людьми в самой настоящей осаде на съезде двора в Якутске, которую организовал уже знакомый нам беззастенчивый взяточник и казнокрад И. М. Гагарин. Тут было все: и перестрелки, и штурмы, и вылазки, и смерть осажденных от цинги и голода... Чудом вырвавшись в Москву, Качанов представил молодому царю Петру Алексеевичу столь впечатляющий «компромат» на якутского воеводу и его родственников (двоюродные братья князя, И. П. и М. П. Гагарины, были в то время воеводами соответственно в Иркутске и Нерчинске), что это послужило одной из главных причин нового, теперь уже всесибирского сыска, возглавленного думным дьяком Д. Л. Полянским и дьяком Д. А. Берестовым [см. об этом: Зольникова, 1989; Пензин, Шашков, 1991]. 27 марта 1696 г. сыскная комиссия отправилась в путь, а 13 августа посланный вдогонку из Сибирского приказа подьячий В. Никитин передал в Верхотурье ее руководителям «столпы» с копиями вышеназванных документов. Позднее, уже в 1699 г., в Енисейске с этих копий был сделан по царскому указу еще один список, доставленный в Москву. Переплетенный в Сибирском приказе в виде книги, он остался в его архиве. Кроме того, в фонде Сибирского приказа хранится небольшой (на трех листах) фрагмент интересующего нас дела о донском атамане Пахоме Сергееве, касающийся его вторичной ссылки в Сибирь и побега с пути [см.: РГАДА, ф. 214, оп. 4, д. 199].

К характеристике енисейского списка 1699 г. следует добавить, что по его листам идет многократно повторяющаяся скрепа: «диак Данило Берестов». На первом листе после заголовка сделана приписка: «полстраницы порозжи». На пустом листе (1 об.) также имеется приписка: «страница порозжая». Текст копии публикуемого ниже дела о Пахоме Сергееве выполнен тремя почерками: л. 1, 10–11 об., 14–15 об. – один почерк, л. 2–9 об., 12–13 об. – другой почерк, л. 16 об.–18 об. – третий почерк. Л. 6 начинается с исправления: писец ошибочно продублировал предыдущие слова («тех колодников, Пахомка Сергеева с товарищи»), после чего заключил их в квадратные скобки.

Текст документа публикуется по правилам, принятым при издании памятников второй половины XVI–XVII вв.: буква «ер» (ъ) в конце слов опускается, буквы, вышедшие из употребления, и буквенные обозначения цифр передаются знаками современного алфавита и арабскими цифрами. Титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку. Знаки препинания расставляются в соответствии с современными

требованиями. Оставленное на л. 18 место для числа служилых людей, возвращавшихся в Якутск, дается отточием. Пропущенные в словах буквы восстанавливаются в квадратных скобках. Нумерация листов дела выделяется курсивом и приводится в тексте в круглых скобках.

В заключение считаем своим долгом выразить глубокую признательность А. В. Полетаеву за существенную помощь при подготовке данного документа к публикации.

1691 г., декабря 15 – не ранее 1692 г., октября 4

**ДЕЛО О НЕЗАКОННОМ ПРИЕЗДЕ В МОСКВУ
СОСЛАННОГО ЗА РАСКОЛ В ЯКУТСК ДОНСКОГО АТАМАНА
ПАХОМА СЕРГЕЕВА, О ЕГО ПОВТОРНОЙ ССЫЛКЕ В СИБИРЬ
И О ПОБЕГЕ НА ОБРАТНОМ ПУТИ
(Л. 2) Список с первого столпика**

В нынешнем в 200-м году, декабря в 15 день, в Сибирском приказе боярину князю Ивану Борисовичу Репнину с товарищы извещал словесно московской стрелец Филка Еравиков, которой прислан из Якутцкого с отписки от Федора Качанова.

Сибирицы-де, якутской сын боярской Александр Хлевинской и казаки, которые присланы ж из Якутцкого за казною, вывезли из Сибири ссыльного Пахомка Сергеева без указу великих государей. И ныне он, Пахомка, с тем с сыном боярским и с казаками стоят на постоялом дворе.

Под тем словесным изветом помета: 7200-го, декабря в 16 день, по указу великих государей боярин князь Иван Борисович Репнин сего извету слушав, приказал якутцкого сына боярского Александра Хлевинского и ссыльного Пахомка Сергеева сыскать в Сибирской приказ и спросить, а рухлядь ево переписать.

И якутской сын боярской, и ссыльный человек в Сибирской (л. 2 об.) приказ сысканы и спрашиваны.

А в роспросе сын боярской сказался Александром, зовут Хлевинской. В прошлом-де во 199-м году, в сентябре месяце, воевода Петр Зиновьев послал ево съ якутскими казаками, всего десять человек, за казною к Москве. И он-де, Александр, с казною великих государей зимовали в Ылимском уезде на Горбове займище. Да близ-де того займища в Якутцком уезде, в Чечуйском остроге, зимовал столник и воевода князь Иван княж Михайлов сын Гагарин. И в прошлом-де во 199-м году, в марте месяце, а в котором числе – не упомнит, он, князь Иван, призывал ево, Александра, и якутских служилых людей к себе и отдал им ссыльного человека Пахомка Сергеева, и велел ево им взять с собою к Москве. А вместо ево, Пахомка, взял он, князь Иван, у них, Александра, казака Ивашку Алексеева и послал для писма в Якутцкой уезд на Илгу. А они-де, Александр с товарищы, приехали в Ылимской и того ссыльного привезли с собою, и в Ылимском жили недель с пять. И князь Иван Гагарин

об отпуске того ссыльного къ Еремею Пятово прислал отписку, а к ним, Александру с товарищы, грамотку. И они-де, (л. 3) Александр, поехали и того ссыльного взяли и привезли с собою к Москве и ныне стали на одном дворе. А иных-де ссыльных людей с ними никаких нет. А грамотка-де от князь Ивана Гагарина у него, Александра. И та грамотка взята к сему роспросу, а в ней пишет:

Позади роспросу пишет: к сему роспросу сын боярской Александрько Хлевинский руку приложил.

Приателем моим Александру Костентиновичю, Алексею Ивановичю и со всеми вашими товарищы. Бутте здравы на многия лета. А про меня похочете ведать, и я на службе великих государей в Чечюйском острошке по се число в телесне, а в души моей Бог весть. Да пожалуйста, о чем я вам говорил и приказал: взять донского атамана Пахома Сергеева с собою за казною великих государей к Москве. И вы бейте челом в Ылимском Еремею Ларионовичю, чтоб пожаловал, отпустил с вами за казною к Москве. А буде станет скаски прошать у вас, и вы ему дайте скаску, что я велел ево, Пахома, вам взять с собою к Москве служилым (л. 3 об.) человеком вместо отставного служилого человека, что отставил я в Чечюйску, а ево, Пахома, приказал вам с собою взять. Князь Иван Гагарин челом бьет.

Позади грамотки пишет: отдать в Ылимску служилым якутцким сыну боярскому Александру Хлевинскому с товарищы, которыя посланы из Якутцкого за казною великих государей к Москве.

А ссыльной человек сказался Пахомкою, зовут Сергеев. В прошлых-де годах, тому лет с пять, послан он с Москвы в сылку в Сибирь, в Якутцкой, с московскими стрелцами, а которого полку и с кем имяны – не упомнит. И московские-де стрелцы довели ево до Тоболска, а ис Тоболска боярин и воевода Алексей Петрович Головин послал ево, Пахомка, до Томского с тоболскими служилыми людьми, а ис Томского послан он до Енисейска, а из Енисейска до Илимского с служилыми ж людьми. И воевода-де Еремей Пятово оставил ево, Пахомка, за болезнью в Ылимском, и жил-де он в Ылимску года з два, а ни в какой чин не поверстан, и в Якутском не бывал. И в прошлом-де во 199-м году ехал в Якутцкой на воеводство (л. 4) столник князь Иван княж Михайлов сын Гагарин, и зимовал Якутцкого уезду в Чечюйском остроге. И он-де, Пахомка, из Ылимского ездил в Чечюйской острог и бил челом ему, князь Ивану, чтоб он отпустил ево к Москве за якутцкою казною, а в то-де число якутцкая казна, которая ныне привезена к Москве, зимовала в Ылимском уезде на Горбове займке. И князь Иван Гагарин велел якутцким сыну боярскому Александру Хлевинскому и казаком, которые посланы за якутцкою казною в провожатых, ево, Пахомка, вместо казака Ивашка Алексеева сына Попова взять к Москве, а того Ивашка послал он, князь Иван, в Ылимской уезд для писма, а в которую волость или острог – не ведает. А об отпуске-де ево, Пахомка, писал он, князь Иван, в Ылимской к воеводе отписку да к якутцкому сыну боярскому к Александру Хлевинскому и х казаком грамотку. И воевода-де Еремей Пятово о пропуске ево, Пахомкове, дал ему из съезжей избы подорожную за печатью мая в 1 день 199-го году. И он-де, Пахомка,

сь якутским сыном боярским с Александром Хлевинским и с казаками за якутскою казною приехав к Москве, и стоит на постоялом (л. 4 об.) дворе с ними вместе. А подорожная у него, Пахомка.

Позади роспросу пишет: к сему роспросу Пахомка Сергеев руку приложил.

И та подорожная у него, Пахомка, взята к сему делу, а в ней пишет:

Лета 7199-го, мая в 1 день, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцев, отпущен за якутскою великих государей соболиною казною к Москве в провожатых Пахом Сергиев вместо якутских служилых людей, которые остались в Ылимску и на Лене за болезнь – Ивашка Алексеева да Мелешка Тимофеева. И по городом столникам и воеводам и приказным людям ево, Пахома, за тою соболиною великих государей казною до Москвы сь якутским сыном боярским с Александром Хлевинским пропускать без задержания. А ся проезжая дана из Ылимска по отписке столника и воеводы князя Ивана Гагарина. К сей проезжей великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия (л. 5) и Малыя и Белья России самодержцев, печать земли Сибирские Ленского волоку Илимского острогу столник и воевода Еремей Ларионович Пятово приложил.

Позади подорожной пишет: смотрел Стенка Березовской.

А по справке в Сибирском приказе в столпу ссыльных дел прошлого 196-го году написано: в прошлом во 196-м году, мая в 25 день, в указе великих государей ис Посолского приказу в Сибирской приказ за приписью дьяка Бориса Михайлова написано:

Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцы, указали по писмам з Дону и по извету, и по подлинному свидетельству разколщиком и вором, донским казаком Пахомку Сергееву с товарищы, семи человеком, учиня им наказанье, а иным казнь по их винам, сослать в далные сибирские города. И наказанье, и казнь им учинено из государьственного Посолского приказу. А в какой им там службе быть и в какове крепости и бережении в сибирских городех их держать, о том учинить указ (л. 5 об.) в Сибирском приказе боярину князю Ивану Борисовичю Репнину. А хто имяны донские казаки, и кому наказанье и казнь учинена, и в которые сибирские города послать, и тому под тем великих государей указом роспись. А в росписи написано:

Пахомка Сергеев, бит кнутом, сослан на Лену.

И мая в 25 день по тому великих государей указу из Сибирского приказу Пахомко Сергеев с товарищы в Сибирь посланы в Тоболеск, а ис Тоболска велено ево послать на Лену в Якутской с нарочными посылщики и вести с великим береженьем. А из Якуцкого ево, Пахомка, ни для каких дел никуда не посылать и по ево челобитью не отпускать.

И октября в 3 день писали к великим государем из Сибири, ис Тоболска, боярин и воеводы Алексей Петрович Головин с товарищы: по указу-де великих государей колодники, донские казаки Пахомка Сергеев с товарищы, в Тоболеск присланы августа в 5 день 196-го году. И они-де, боярин и воеводы Алексей Петрович с товарищы, тех колодников, Пахомка с товарищы, (л. 6)

по росписи, какова под грамотою, ис Тоболска послали в указные города скованных с тоболскими детми боярскими и с провожатыми августа в 6 день.

А из Ылимского воевода Еремей Пятово для чего в Ылимску ссыльного Пахомка задержал, к великим государем в Сибирской приказ не писывал.

И декабря в 16 день по указу великих государей и по помете на деле дьяка Афонася Парфенова для переписки рухляди ссыльного Пахомка Сергеева на Стретенскую улицу, на двор гостиной сотни Михайла Беляевского, ходил Сибирского приказу подъячей Матвей Маскин. И на том дворе сибирцы, якуцкие сын боярской Александр Хлевинской и казаки, которые с ним, Пахомком, приехали, указали на том дворе чулан, и ис того чулану вынесли две сумы, а сказали, что в тех сумах рухлядь ево, Пахомкова. А по переписке явилось:

Шубенка заячья, покрыта ролдугою.

Подушка ролдужья ж.

Исподишко одеяльной, песцовой, ветх.

Шуба овчинная, под китайкою.

Полтретьи кошулки бельи, хребтовые.

Два портища камки да отласу, китайские.

Два (л. 6 об.) остатка кутни даурской.

А у переписки якуцкой пушкарь Алешка Голиков сказал: те камки и отлас, и мехи, и остатки у него в закладе в десяти рублей. А заложил-де он, Пахомка, ему, Алешке, на реке Оби, а письма на тот заклад у него нет.

А в другой суме:

Пять белок.

Песец голубой.

Три конца китаек да с кафтана спорок китайчатой, ветх.

Шапка лисья. Окол лисей, бурой, душетой. Тулья лапчетая, соболя, поношенная. Вершек бархатной, двоemorховой. А по осмотру знатно – на том вершке были петли, и спороты.

Рукавицы оленьи, шитые. В них шесть черенов рыбьих. Кожан налимей.

Рукавицы оленьи, наушки.

Ложешник. Трудоношка. Шиты шолком.

Вершек шапошной, суконной.

Да якутской же пушкарь Алешка да казак Васка принесли:

Конец китайки черной.

Шапку бархатную, вишневую. Окол лисей, красной.

А сказали, что та рухлядь ево, Пахомкова.

Да в той же рухляди явились:

Два ящика с писмами. А по переписке в тех ящиках 20 грамоток из сибирских городов разных чинов к людям, да в трех бумашках: в 2-х – 2 корешка, в третьей – часть малая хлеба.

А ссыльной Пахомка, смотря коренья (л. 7) и хлеба, сказал: корешек-де один дал ему даурской казак на дороге на реке Кете и велел мазатца от опухоли. А как-де того даурского казака зовут и куды он рекою Кетью ехал, того он не знает. А другой-де корешек дал ему в Ылимску илимской казак Васка Ефремов, а сказал, что-де турецкой перец, и велел ему есть от животной болезни.

А хлеб-де ему дал на реке Кете ж поп Перфилей для бережения, потому что-де тому попу того хлеба уберечь было негде. А сказал, что-де тот хлеб причасной. А которого-де тот поп монастыря, того он не упомнит, а тот-де монастырь на реке Кете ж. А ехал-де тот поп с ним, Пахомком, до Тоболска, и в Тоболску остался за челобѣтьем у митрополита. А того-де хлеба он, Пахомка, ему, попу, не отдал безпамятством, потому что-де он, поп, того хлеба у него не спрашивал.

Под допросом в помете пишет: 7200-го, декабря в 20 день, по указу великих государей боярин князь Иван Борисович Репнин, слушав извету и роспросных речей, приказал о указе о том ссыльном выписать к ним, великим государем, в доклад. А до указа того ссыльного держать в Сибирском приказе в крепі (л. 7 об.) и велеть ево беречь накрепко. А рухлядь, которая явилась по переписке, отдать с роспискою.

Позади росписи и допросу пишет: по сей росписи Пахомко Сергеев рухлядь принял и росписался, и к скаске руку приложил.

Д о к л а д

В нынешнем в 200-м году, декабря в 15 день, в Сибирском приказе боярину князю Ивану Борисовичу Репнину извещал московской стрелец Филка Еравников, которой прислан из Сибири, из Якуцкого, от Федора Качанова с отписками: якутской-де сын боярской Александр Хлевинской и казаки, которые присланы из Якуцкого ж великих государей за казною, вывезли из Сибири ссыльного Пахомка Сергеева без указа великих государей к Москве. И по указу великих государей и по приказу боярина князя Ивана Борисовича Репнина тот сын боярской Александр Хлевинской и ссыльный человек Пахомко в Сибирской приказ сысканы. А в роспросе сын боярской сказал: в прошлом-де во 199-м году, в сентябре месяце, якутской воевода Петр (л. 8) Зиновьев послал ево съ якутскими казаками, всего 10 человек, за казною к Москве.

И он-де, Александр, с казною великих государей зимовал в Ылимском уезде на Горбове займище. Да близ-де того займища в Якутском уезде, в Чечюйском остроге, зимовал же столник и якутской воевода князь Иван княж Михайлов сын Гагарин. И в прошлом-де во 199-м же году, в марте месяце, а в котором числе – не упомнит, он, князь Иван, призывал ево, Александра, и якутских служилых людей к себе и отдал им ссыльного человека Пахомка Сергеева, и велел ево им взять с собою к Москве. А вместо ево, Пахомка, взял он, князь Иван, у них, Александра, казака Ивашка Алексеева и послал для письма в Якутской уезд на Илгу. А они-де, Александр с товарищы, приехали в Ылимской и того ссыльного привезли с собою, и в Ылимском жили недель с пять. И князь Иван-де Гагарин об отпуске того ссыльного к ылимскому воеводе Еремеев Пятово прислал отписку, а к ним, Александру с товарищы, грамотку. И они-де, Александр, поехали и того ссыльного взяли, и привезли с собою к Москве. А иных-де ссыльных людей с ними никаких нет.

(л. 8 об.) И князь Иванова грамотка Гагарина у него, Александра, взята к делу, а в ней написано к Александру Костянтинову да к Алексею Иванову.

А о чем он, князь Иван, им говорил и приказал: взять донского атамана Пахомка Сергеева с собою за казною великих государей к Москве, и они б, Александр, били челом в Ылимском Еремею Пятово, чтоб отпустил с ними за казною к Москве, а буде станет скаски прощать, и они б, Александр, скаску дали, что ево, Пахомка, велел взять он, князь Иван, служилым человеком вместо отставного служилого человека, что оставил он в Чечуйском, а ево, Пахомка, приказал им с собою взять.

Да внизу у той грамотки приписано: князь Иван Гагарин челом бьет.

А ссыльной человек Пахомко Сергеев в Сибирском приказе в роспросе сказал: в прошлых-де годах, тому лет с пять, послан он в сылку в Сибирь, в Якуцкой. И до Tobолска-де ево везли московские стрелцы, а ис Tobолска до Илимского везли ево служилые ж люди сибирцы. А в Ылимском-де воевода Еремей Пятово оставил ево, Пахомка, за болезнью. И жил-де он в Ылимску (л. 9) года з два, а ни в какой чин не поверстан и в Якуцком не был. И во 199-м году ехал в Якуцкой на воеводство столник князь Иван княж Михайлов сын Гагарин и зимовал Якуцкого уезду в Чечуйском остроге. И он-де, Пахомко, из Ылимского ездил в Чечуйской острог и бил челом ему, князь Ивану, чтоб он отпустил ево к Москве за якуцкою казною, а в то-де время якуцкая казна зимовала в Ылимском уезде на Горбове заимке. И князь Иван-де Гагарин велел якуцким сыну боярскому и казаком, которые посланы за якуцкою казною, ево, Пахомка, вместо казака Ивашка Попова взять к Москве, а того Ивашка послал он, князь Иван, в Якуцкой уезд для писма. А об отпуске ево, Пахомкове, писал он, князь Иван, в Ылимской к воеводе отписку, а к сыну боярскому и х казаком грамотку. И воевода-де Еремей Пятово о пропуске ево, Пахомкове, дал из съезжие избы подорожную за печатью. И он-де, Пахомко, съ якуцким сыном боярским и с казаками приехал к Москве.

И подорожная у него, Пахомка, взята к делу, а в ней написано: Маия в 1 день 199-го году отпущен за якуцкою казною (л. 9 об.) к Москве в провожатых Пахомко Сергеев вместо якуцких служилых людей, которые остались в Ылимску и на Лене за болезнью, 2 человека; а подорожная дана из Ылимска по отписке столника и воеводы князь Ивана Гагарина.

Да у него ж, Пахомка, взято рухляди ево в бумашках 2 корешка да часть малая хлеба. А он, Пахомко, смотря коренья и хлеба, сказал: корешок-де один дал ему даурской казак на дороге на реке Кете и велел мазатца от опухоли, а как-де того даурского казака зовут и куды он рекою Кетью ехал, того он не знает. А другой-де корешок дал ему в Ылимску илимской же казак Васка Евреинов, а сказал, что-де то турецкой перец, и велел ему есть от животной болезни. А хлеб ему дал на реке Кете ж монастырской поп Перфилей для бережения для того, что-де ему, попу, того хлеба беречь было негде, а сказал-де он, что тот хлеб причасной. А которого-де тот поп монастыря, того он не упомнит, а тот-де монастырь на реке Кете ж, а ехал-де тот поп с ним до Tobолска, и в Tobолску остался за челобитьем у митрополита, а того-де хлеба он, Пахомко, ему, (л. 10) попу, не отдал безпамятством, а тот-де поп того хлеба у него не спросил.

А по справке в Сибирском приказе в столпу ссыльных дел написано: Во 196-м году, маия в 25 день, в указе великих государей ис Посолского приказу в Сибирь-

ской приказ писано: великие государи указали по писмам з Дону и по извету, и по подлинному свидетельству расколщиком и вором, донским казакам Пахомке Сергееву с товарищи, 7 человеком, учиня наказанье, а иным казнь по их винам, сослать в далные сибирские города. И наказанье и казнь им учинена ис Посолского приказу. А в каком им чину там быть и в какой крепости держать – о том учинить указ боярину князю Ивану Борисовичю Репнину. А под тем великих государей указом написано: Пахомко Сергеев, бит кнутом, сослан на Лену.

И мая в 25 день по тому великих государей указу из Сибирского приказу Пахомко Сергеев с товарищи в Сибирь посланы, в Тоболеск. А ис Тоболска велено ево послать на Лену, в Якуцкой, с прочными посылщики, и вести с великим береженьем. А из Якуцкого (л. 10 об.) ево ни для каких дел никуда не посылать и по ево челобитью не отпускать.

И во 197-м году, октября в 3 день, писали к великим государем из Сибири, ис Тоболска, боярин и воеводы Алексей Петрович Головин с товарищи: по указу великих государей колодники, донские казаки Пахомка Сергеев с товарищи, в Тоболеск привезены августа в 5 день 196-го году, и они-де, боярин и воеводы Алексей Петрович Головин с товарищи, тех колодников, Пахомка с товарищи, по росписи, какова под грамотою, ис Тоболска послали в указные города скованных с тоболскими детми боярскими и с провожатыми августа в 6 день. А из Ылимского воевода Еремей Пятово для чего в Ылимску ссыльного Пахомка задержал, к великим государем в Сибирской приказ не писывал. И великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, о том что укажут?

7200-го, генваря в 4 день, великие государи цари и великие (л. 11) князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, слушав сей докладной выписки, указали, и бояря приговорили: донского казака Пахомку Сергеева, которой поиман на Москве и розпрашиван в Сибирском приказе, по прежнему своему великих государей указу сослать в Сибирь на вечное житье в тот же город, в которой он послан был наперед сего. И про уломок хлеба сухово, и про корение, которое у него по осмотру вынято в Сибирском приказе, розыскать в Сибири ж теми людьми, которые ему тот хлеб и коренье на реке на Кете дали. А для чего князь Иван княж Михайлов сын Гагарин съ якуцкими служилыми людьми за казною в провожатых ево, Пахомка, без их великих государей указу пропустил и о пропуске ево, Пахомкове, в Ылимской кь Еремею Пятому писал, и для чего Еремей Пятой из Илимска ево, Пахомка, к Москве с теми ж якуцкими служилыми людьми отпустил, и зачем тот Пахомко по се время до указного места всылку был недозезен, и о том о всем указали великие государи розыскать тому, кто будет послан розыскивать с Москвы про него ж, князь Ивана, в ыных якуцких делах по челобитью и по извету московских стрелцов и якуцких слу (л. 11 об.) жилых людей и по отпискам Федора Качанова, и написать ему о том в наказ из сей выписки подлинно.

От великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, в Сибирь,

в Тоболеск, боярину нашему и воеводам Степану Ивановичю Салтыкову с товарищи. В прошлом во 196-м году, мая в 25 день, по нашему великих государей указу, по писмам з Дону и по извету, и по подлинному свидетельству расколщиком вором, донским казаком Пахомке Сергееву с товарищи, учинено наказанье, а иным казнь, и сосланы в Сибирь в сылку до Тоболска московских стрелцов с капитаном и стрелцами. А ис Тоболска Пахомку Сергеева велено послать на Лену в Якуцкой с нарочными посылщики и вести с великим бережением. А из Якуцкого ево, Пахомка, ни для [ка]ких дел посылать и по ево челобитью отпускать не велено. И в нынешнем в 200-м году, декабря в 15 день, в Сибирском приказе извещал московской стрелец Филка Яровиков: якуцкой-де сын боярской (л. 12) Александр Хлевинской вывезли из Сибири того ссыльного Пахомка без нашего великих государей указу. И тот ссыльной Пахомка в Сибирской приказ сыскан. А в роспросе сказал: в прошлых-де годах, как он послан в сылку, и до Тоболска везли ево московские стрелцы, а ис Тоболска до Илимского везли сибирцы. И в Ылимском-де воевода Еремей Пятово остановил ево за болезнью. И в прошлом-де во 199-м году ехал в Якуцкой на воеводство столник князь Иван княж Михайлов сын Гагарин, и ево, Пахомка, он, князь Иван, отпустил к Москве за якуцкою казною вместо казака Ивашка Попова с сыном боярским с Александром Хлевинским. И февраля в 1 день по нашему великих государей указу послан он, Пахомко, из Сибирского приказу по-прежнему в Сибирь до Тоболска съ якуцкими с сыном боярским с Александром Хлевинским с товарищи. И как к тебе ся наша великих государей грамота придет, а сын боярской Александр Хлевинской с товарищи с Москвы в Тоболеск приедут и ево, Пахомка, в Тоболеск привезут, и вы б, боярин наш и воеводы Степан Иванович с товарищи, велели ево, Пахомка, принять и держать ево с великим (л. 12 об.) бережением до приезде в Тоболеск, кто по нашему великих государей указу в Сибирь, в Якуцкой, послан будет для сыского дела. А как тот сыщик в Тоболеск приедет, и вы б ево, Пахомка, велели сыщику отдать имянно, и сыщику о нем, Пахомке, в нашем великих государей указе, что о нем чинить, написано, да о том к нам, великим государем, писали, а отписку велели подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Ивану Борисовичю Репнину с товарищи. Писан на Москве лета 7200-го февраля, в 1 день. Припись дьяка Осипа Татаринова.

Лета 7200-го, генваря в 18 день, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев, боярину Кон[д]ратью Фомицю Нарышкину с товарищи. Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы, указали сослать в сылку в Сибирь донского казака Пахомка Сергеева (л. 13) и давати под него от Москвы до Переславля Залесского, и до Ярославля, и до Вологды, и до Тотмы, и до Устюга Великого, и до Соли Вычеготцкой, и до Кайгородка, и до Соли Камской, и до Сибири – до Верхотурья, и до Туринского, и до Тюмени, и до Тоболска нынешним зимним путем подводу с санми. И по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев, боярину Кондратью

Фомицю Нарышкину о том учинить по указу великих государей. Припись дьяка Осипа Татарина.

Лета 7200-го, февраля в 1 день, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Бelyя России самодержцев, память якуцким сыну боярскому Александру Хлевинскому с товарищы. Ехати им с Москвы в Тоболеск, а с собою вести до Тоболска донского казака Пахомка Сергеева с великим бережением. И дорогою над ним, (л. 13 об.) Пахомком, смотреть накрепко, чтоб он, Пахомко, з дороги не ушел и над собою какова дурна не учинил. А приехав в Тоболеск, боярину и воеводам Степану Ивановичю Салтыкову с товарищы подать великих государей грамоту, что послана с ним, Александром Хлевинским, в Тоболеск о приеме того Пахомка с товарищы, и ево, Пахомка, в Тоболску в приказной полате объявить им, боярину и воеводам Степану Ивановичю с товарищы. Припись дьяка Осипа Татарина.

7200-го, марта в 3 день, по указу великих государей Пахомко Сергеев из Сибирского приказу отдан якуцкому сыну боярскому Александру Хлевинскому да казаком Ларке Антипину, пушкарю Алешке Голикову с роспискою. А велено им ево, Пахомка, вести с собою в Сибирь и отдать в Тоболску в целости. Позади росписи пишет: якуцкой сын боярской Александрько Хлевинский дансова казака Пахомка Сергеева взял и росписался (л. 14). Да в конце, в лице тоя росписи, пишет: якуцкие казаки Ларка Онтипин, Алешка Голиков дансова казака Пахомка Сергеева взяли. А вместо Алешки Голикова и за себя росписался я, Ларка Онтипин.

7200-го, марта в 19 день, по указу великих государей присланы с Пелыми за казною великих государей и с отписки пелымские стрелцы Терешка Коркунов с товарищы, три человека, а в допросе сказали: как-де они ехали из Сибири к Москве и на Тотме-де встретились с ними якуцкие служилые люди, сын боярской Александр Хлевинской с товарищы, а сказывали: донской-де казак Пахомко Сергеев, которой с ними послан в Сибирь, з дороги с Ухорского яму бежал неведомо куды. Позади допросу пишет: к сим допросным речам вместо пелымских стрелцов Терешки Коркунова с товарищы по их веленью сибиренин Куземко Беседной руку приложил.

Д о к л а д

В прошлом во 196-м году, мая в 25 день (л. 14 об.), по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Бelyя России самодержцев, и по писмам з Дону и по подлинному свидетельству расколщик и вор донской казак Пахомко Сергеев послан в сылку в Сибирь, в Тоболеск, а ис Тоболска велено ево послать в Якуцкой с нарочными посылщики и вести с великим бережением, а из Якуцкого ни для каких дел посылать и по ево челобитью отпускать никуда не велено. И в нынешнем в 200-м году тот ссыльной Пахомко по отпуску из Ылимского воеводы Еремея Пятово явился на Москве, а отпустил он, Еремей, ево, Пахомка, из Ылимского по отписке якуцково воеводы князь Ивана Гагарина за казною вместо служилого человека.

И генваря в 4 день по докладной выписке, по имянному великих государей указу за пометою думного дьяка Емельяна Украинцова, по прежнему их, великих государей, указу он, Пахомко, послан в Сибирь на вечное житье в тот же город, в которой послан был наперед сего съ якуцким сыном боярским с Александрю (л. 15) Хлевинским с товарищи, и дорогою ево, Пахомка, велено вести скована с великим бережением.

И марта в 19 день присланы из Сибири, с Пелыми, за казною великих государей и с отписки стрелцы Серешка Коркунов с товарищи. А в роспросе сказали: на Тотме-де встретились с ними якуцкие служилые люди Александр Хлевинской с товарищи и сказали им: казак-де Пахомко Сергеев з дороги бежал.

И великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы, о том что укажут?

7200-го, апреля в 2 день, великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы, слушав сей выписки, указали из Сибирского приказа в Розряд и в Посолской приказы о побеге казака Пахомка Сергеева для ведома послать свои великих государей указы и послать из Розряду во все города свои великих государей грамоты – велеть того беглого казака Пахомка, будет он в котором городе объявитца, поймав, прислать к Москве в Розряд, а из Розряду в Сибирской (л. 15 об.) приказ.

Позади выписки припись думного дьяка Михаила Прокофьева.

Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцем, холопи ваши Стенка Салтыков с товарищи челом бьют. В нынешнем, великие государи, 7200-го году в вашей великих государей грамоте писано к нам, холопом вашим: по вашему великих государей указу послан с Москвы донской казак Пахомко Сергеев по-прежнему в Сибирь до Tobолска съ якуцкими с сыном боярским с Александром Хлевинским с товарищи. И в Tobолску велено нам, холопом вашим, ево, Пахомка, принять и держать с великим бережением до приезде в Tobолеск, кто по вашему великих государей указу в Сибирь, въ Якуцкой, послан будет для сыскного дела. А как сыщик в Tobолеск приедет, и того Пахомка велено отдать ему, и о том к вам, великим государем, писать. И якуцкой сын боярской Александр Хлевинской в Tobолеск приехал и вашу великих государей грамоту (л. 16) нам, холопом вашим, подал мая в 5 день. А колодника Пахомка Сергеева не объявил, а сказал, что тот Пахомко у него, Александра, з дороги бежал в Ярославском уезде с постоялого двора. Да он же, Александр, и якуцкие казаки Ларка Дурнев, Конанко Брянской, Мартынка Хлевинской били челом вам, великим государем, а нам, холопом вашим, подали челобитную, а в челобитной их написано: того-де колодника Пахомка везли они скована Ярославского уезду до Вокшерского яму. И на том-де яму, на постоялом дворе у Игнашки Тимофеева, ночью порою перевязывали они казенные возы, которая ваша великих государей товарная казна послана с ними в Якуцкой. И в то-де время он, Пахомко, на том постоялом дворе был скован в ызбе. И ис той избы он, Пахомко, бежал окном, скован, неведомо

куды. А по осмотру у той избы явился след санной – приезд знатной, неведомо кто по него приезжал. И они-де, Александр, на том яму жителем, также и по городом воеводам и приказным людям и жителем о том извещали. И чтоб вы, великие государи, пожаловали их, Александра (л. 16 об.) с товарищи, велели нам, холопом вашим, против челобитья их к вам, великим государем, писать, чтоб им, за него, Пахомка, от вас, великих государей, в опале не быть.

На подлинной отписки назади подписано: 7201-го, октября в 4 день, подал отписку тобольской сын боярской Иван Денисов с товарищем.

Лета 7200-го, апреля в 21 день, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, боярину Тихону Никитичю Стрешневу с товарищи. В прошлом во 196-м году, мая в 25 день, прислан ис Посолского приказу в Сибирской приказ расколщик и вор, донской казак Пахомко Сергеев. Велено ево послать в ссылку в Сибирь на Лену. И он, Пахомка, из Сибирского приказу в Сибирь, в Якуцкой, послан того ж числа. И в нынешнем в 200-м году по отпуску из Сибири из Ыли (л. 17) мского воеводы столника Еремея Пятово он, Пахомко, объявился на Москве. А отпустил ево, Пахомка, он, Еремей Пятово, по отписке якуцкого воеводы столника князь Ивана Гагарина. И генваря в 4 день по докладной выписке, по имянному великих государей указу, тот Пахомко по-прежнему послан в Сибирь на вечное житье в тот же город, в которой послан был наперед сего, съ якуцким сыном боярским с Александром Хлевинским с товарищи. И дорогою ево, Пахомка, велено вести скована с великим бережением. И марта в 19 день присланы из Сибири, с Пелыми, великих государей за казною стрелцы Терешка Коркунов с товарищи. А в роспросе сказали: на Тотме-де встретились с ними якуцкие служилые люди, Александр Хлевинской с товарищи, и сказали им: казак-де Пахомка Сергеев з дороги бежал. И великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, указали из Розряду во все города послать свои великих государей грамоты, и того беглова казака Пахомка, буде он в котором городе объявитца, поймав, прислать к Москве в Розряд, а из Розряду в Сибирской приказ (л. 17 об.) к боярину ко князю Ивану Борисовичю Репнину с товарищи. И по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, боярину Тихону Никитичю Стрешневу с товарищи учинить о сем по указу великих государей.

На подлинном указе припись дьяка Афонася Парфенова. Справа подъячего Матвея Маскина.

Лета 7200-го, апреля в 12 день, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, думному дьяку Емельяну Игнатьевичю Украинцову с товарищи. В прошлом во 196-м году, мая в 25 день, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по памяти из государево Посолского приказу послан из Сибирского приказу в сылку в Сибирь на Лену расколщик (л. 18) и вор, донской казак Пахомко Сергеев. А в нынешнем в 200-м году

тот ссыльной объявился на Москве. И по имянному великих государей указу, по докладной выписке, послан по-прежнему в Сибирь на вечное житье в тот же город, в которой послан был наперед сего, съ якуцким сыном боярским с Александром Хлевинским с товарищи с ... человеки. А с Москвы отпущен скован. И дорогою до указного места велено вести также скована с великим бережением. И марта в 19 день нынешняго ж 200-го году присланы из Сибири, с Пелыми, за казною великих государей стрелцы Серешка Коркунов с товарищи. А в роспросе про него, Пахомка, сказали, что он з дороги бежал, а сказывали-де ему про побег ево, Пахомков, те посыльщики, которые посланы были за ним в провожатых. И великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, указали из Сибирского приказу в государственной Посолской приказ к тебе, думному дьяку, к Емельяну Игнатьевичю с товарищи, для ведома о побеге ево, Пахомкове, отписать. (л. 18 об.) И по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, думному дьяку Емельяну Игнатьевичю Украинцову с товарищи учинить о сем по указу великих государей.

На подлинном указе припись диака Афонася Парфенова.

А тот столпик креплен руками думных дьяков Емельяна Украинцова, Михаила Прокофьева, да дьяков Осипа Татаринова, Афонася Парфенова. Всего в том столпике тритцать четыре става.

С подлинным столпиком справил Ивашко Пермьяков.

РГАДА, ф. 214 (Сибирский приказ), оп. 1, кн. 1225, л. 2–18 об. Копия 1699 г. с копии 1696 г., сделанной с подлинных документов конца 1691–1692 гг. Датируется по содержанию.

ДАИ. Т. 10. СПб., 1867; Т. 12. СПб., 1872.

Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889.

Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. М., 1995.

Зольникова Н. Д. Сыск Д. Л. Полянского и «письма» Избранта Идеса // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 180–220.

Исторические акты XVII столетия (1633–1699): Материалы для истории Сибири / Собр. и изд. Инн. Кузнецов. Томск, 1890.

Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977.

Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. Т. 4. М., 1862.

Лишин А. А. Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 1. Новочеркасск, 1891.

Никольский Н. М. История русской церкви. 3-е изд. М., 1983.

Пензин Э. А., Шашков А. Т. «Дело монаха Феодосия»: Материалы к биографии сибирского администратора Ф. Р. Качанова // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 113–133.

Поздеева И. В. Запланированное чудо поиска: О Житии Иова Львовского // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 176–183.

РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1225, 1396; оп. 4, д. 199.

Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII века: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898.

Шашков А. Т. Козьма Ларионов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.), ч. 2: И–О. СПб., 1993. С. 172–174.

Шашков А. Т. Козьма Сидоров // Там же. С. 175.

Шашков А. Т. Послание из Москвы на Дон // Там же. Ч. 3: П–С. СПб., 1998. С. 260–261.

ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПАРТИЙ ГЕРМАНИИ ПЕРИОДА ОСНОВАНИЯ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

(Перевод и предисловие Н. Н. Баранова)

Поражение Германии в империалистической войне и Ноябрьская революция 1918 г. – два глубоко взаимосвязанных события. Они буквально «взорвали» политическую систему Германской империи, привели к распаду или существенному перерождению прежних политических партий.

С особой силой этот процесс поразил лагерь немецких либералов. Безвозвратно кануло в Лету бывшее влияние национал-либеральной партии (НЛП) – обществу было слишком очевидно ее откровенное соучастие в политическом курсе Вильгельма II, который привел страну к первой национальной катастрофе. Революция вызвала распад Свободомыслящей народной партии (СвНП) – леволиберального объединения, которое за относительно короткий срок своего существования так и не смогло преодолеть внутреннее противоречие между стремлением играть заметную роль в политической жизни Второго рейха и поиском эффективной либеральной альтернативы «мировой» имперской политике.

В разгар революционных событий на руинах старых политических партий возникли две новые, которые во всех проявлениях своей деятельности несли в себе глубоко противоречивый потенциал преемственности и разрыва.

Немецкая демократическая партия (НДП) возникла в ноябре 1918 г. при активном участии авторитетных общественных деятелей национального масштаба и буржуазно-демократической ориентации – Ф. Наумана, А. Вебера и др. С самых первых дней своего существования она претендовала на роль объединяющей, единой и единственной либеральной партии в новой Германии. В период становления Веймарской республики партия пользовалась значительным влиянием: она насчитывала около 900 тысяч членов, собрала на выборах в Национальное собрание 5,7 млн голосов и вошла в состав Веймарской коалиции [см.: Lexikon, 1983, 303].

Немецкая народная партия (ННП), основанная в декабре 1918 г., стала детищем выдающегося политика и государственного деятеля Г. Штреземана и изначально служила прибежищем для тех, кто способен был подчинять свои либеральные пристрастия национальному интересу. Ее влияние в массах было ограниченным: в рядах партии на пике ее популярности состояло не более 500 тысяч человек, а на выборах в Национальное собрание за нее отдали голоса только полтора миллиона избирателей [см.: Ibid, 1984, 654].